

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фан С. Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70966 EDN: GXCZKY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70966

Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект»

Фан Сяожань

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ jm.fang@foxmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70966

EDN:

GXCZKY

Дата направления статьи в редакцию:

01-06-2024

Дата публикации:

08-06-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению феномена карнавализации в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». В работе анализируются ключевые проявления карнавализации в повести, такие как создание игровой атмосферы, стирание границ между реальным и фантастическим, метаморфозы героев, использование гротеска и совмещение комического с трагическим. Особое внимание уделяется образу Невского проспекта как карнавализованного пространства, где происходит смешение различных социальных слоев, масок и ролей. Также в статье рассматриваются параллельные сюжетные линии поручика Пирогова и художника Пискарева. Исследование демонстрирует, как Гоголь мастерски использует элементы карнавализации для создания многогранной и амбивалентной картины жизни, в которой высокое и низкое, трагическое и комическое сочетаются и взаимодействуют друг с другом. В работе,

наряду с общенаучными методами анализа, синтеза и обобщения, используется описательный и сопоставительный методы. Научная новизна данной работы заключается в рассмотрении сцены смерти главного героя повести художника Пискарева, в аспекте теории карнавала. По результатам проведенного исследования установлено, что в повести «Невский проспект» ярко проявляются ключевые особенности карнавализации: создание игровой, праздничной атмосферы в конкретном пространстве Невского проспекта; стирание иерархических и социальных различий между персонажами; переплетение иллюзорного и реального миров; использование гротескных образов и совмещение смехового начала с трагическим. Особое внимание уделяется анализу сцены самоубийства Пискарева, которая рассматривается как кульминация карнавального действия, где трагическое событие приобретает амбивалентный характер и становится своеобразным символом краха романтических иллюзий героя. Карнавальная образность позволяет Гоголю передать собственное видение Петербурга как города контрастов, где высокое граничит с низменным, а красота превращается в пошлость. Таким образом, исследование вносит значительный вклад в понимание роли карнавализации в художественном мире повести «Невский проспект» и расширяет представление о творческом методе Н.В. Гоголя.

Ключевые слова:

Невский проспект, Г о г о л ь , карнавализация, о б р а з , с м е х , метаморфоза, амбивалентность, карнавальный гротеск, комическое, трагическое

Введение

Термин *карнавализация* был введен в литературоведение М.М. Бахтиным для описания воздействия античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действий, известных как «карнавал», на образно-символическое мышление и творческую память человека. Концепция карнавализации основана М.М. Бахтиным на анализе произведений Ф. Рабле и Ф.М. Достоевского, а также на изучении древнегреческих и римских карнавалов [\[1\]](#).

Во многих работах, посвященных изучению проблематики и поэтики повести «Невский проспект», затрагивается феномен карнавализации. Так, А.Д. Соловьева отмечает амбивалентность мечты в повести [\[10\]](#). И.А. Завьялова рассматривает элементы, образующие поэтику гоголевского гротеска как особой формы комического, в частности, особенности организации пространства и времени и воплощение мотивов рождения и смерти в их связи с христианской традицией [\[6\]](#). С.В. Каратаева исследует специфику репрезентации телесного начала в повести [\[7\]](#). О карнавальной традиции в целом в творчестве писателя говорит Ю.В. Манн [\[8\]](#).

Основная часть

Произведения Н. В. Гоголя во многом пронизаны мироощущением карнавала. Писатель умело использовал карнавальные образы и темы для создания своего неповторимого художественного мира. Карнавальное начало стало для Гоголя способом выражения отношения к человеку и обществу, искусству и жизни, мечте и реальности. Карнавальное начало в повести «Невский проспект» воплощается на нескольких уровнях: в системе образов, организации сюжета и композиции. Невский проспект в повести предстает в виде карнавального пространства, где причудливо переплетается реальное и

фантастическое, трагедия и комедия, благородство и пошлость.

Повесть «Невский проспект» принято относить к так называемым «петербургским» повестям Гоголя. Карнавальное начало реализуется здесь прежде всего через образ Невского проспекта. Эта главная магистраль Санкт-Петербурга предстает как своего рода театральная сцена, на которой разворачивается пестрое карнавальное действо с участием представителей разных сословий.

По мысли М. Бахтина, во время карнавала «жизнь на короткий срок выходит из своей обычной, узаконенной и освященной колеи и вступает в сферу утопической свободы» [1, с. 103]. На Невском проспекте стираются сословные границы, представители разных слоев общества смешиваются в пеструю толпу. На улице «старухи в изодранных платьях и салопях, совершающие свои наезды на сострадательных прохожих» и «нищие собираются у дверей кондитерских на черствые пироги и объедки» [4, с. 8]. Для этих людей Невский проспект — место, где можно заработать на жизнь, более того, эта улица выступает и как «выставка всех лучших произведений человека» [4, с. 11], где можно встретить «служащих с бархатными, атласными бакенбардами» [4, с. 9], «дам с тысячами сортами шляпок, платьев и платков» [4, с. 9] и «людей с перстнем с талисманом» [4, с. 11].

Невский проспект в повести Гоголя напоминает читателю маскарад, иллюзорный мир, где люди ходят в масках. Согласно Бахтину, «в романтическом гротеске маска, оторванная от единства народно-карнавального мироощущения, получает ряд новых значений, чуждых ее изначальной природе: маска что-то скрывает, обманывает и т.д.» [1, с. 121]. Мотив Обмана в повести выражается в постепенном стирании границ между реальностью и миражом. Автор подчеркивает неустойчивость и обманчивость Невского проспекта: «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» [4, с. 39].

В эпизоде, где художник Пискарев воспылал страстью к незнакомой красавице, Гоголь мастерски показывает, как истончается эта грань в восприятии героя. Пискарев, увидев прекрасную незнакомку, тут же погружается в мир фантазий и мечтаний, теряя связь с реальностью. «Тротуар неся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу, и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз» [4, с. 15]. Данный фрагмент показывает, как реальность искажается в восприятии героя, как грань между действительностью и фантазией становится зыбкой и неуловимой.

М. Бахтин говорит о карнавале как о «второй жизни», «втором мире» [1, с. 21]. Ритуалы и формы развлечений, основанные на смехе, придают миру и межличностным отношениям неофициальный характер. Это позволяет временно отстраниться от официальной жизни и погрузиться во вторую, карнавальную реальность. Такое двоемирие существовало в человеческом сознании на начальных этапах культурного развития в Средние века, и в эпоху Возрождения.

Карнавальный принцип означает сосуществование и переплетение двух противоположных миров. В «Невском проспекте» этот принцип воплощен в параллельных сюжетных линиях поручика Пирогова и художника Пискарева, которые представляют собой два контрастных мировосприятия, два способа взаимодействия с реальностью. Их жизни разворачиваются в противоположных пространствах: обыденном мире и мире возвышенных грез. Оба персонажа были очарованы фантастическим Невским

перспектом, но когда они столкнулись с крахом своей представлений, то оба пережили своего рода прозрение.

Ценностными ориентирами Пирогова являются повседневные, материальные вещи, а не возвышенные идеалы, он гонится за мимолетным счастьем. Преследуя белокурую незнакомку, Пирогов стремительно скрылся в подворотне одного из довольно захудалых домов. Его приключения разворачиваются в прозаическом мире немецких ремесленников, где царят грубые нравы и плотские утехы. Столкновение с этой реальностью для Пирогова становится своего рода отрезвляющим опытом, после которого он возвращается к привычной жизни. Поручик Пирогов с самого начала относился к встрече с замужней блондинкой как к приключению и не стремился к глубокой привязанности. И хотя он чувствует себя незаслуженно оскорбленным, у него хватает практичности и легкомыслия, чтобы быстро выкинуть из головы этот неприятный инцидент. Автор саркастически замечает: «Но все это как-то странно кончилось: по дороге Пирогов зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из «Северной Пчелы» и вышел уже не в столь гневном положении» [\[4, с. 38\]](#).

Напротив, внутренний мир Пискарева – это мечтательный идеалистический мир, далекий от реальности. Герой находится в том состоянии, когда все вокруг являет собой некое неземное сияние, когда люди испытывают необъяснимое наслаждение, все хорошее становится еще лучше. Он «робок и странен», живет в благородном мире грез. Пискарев идеализирует случайно встреченную красавицу и считает ее «божеством». Столкновение с прозаической реальностью публичного дома становится трагедией героя. Не в силах совместить гнусную реальность с романтическими идеалами, он предпочитает уйти в свой мир грез и предаться вечному сну. Совершенно разные жизненные ситуации Пискарева и Пирогова отражают главную идею повести «Невский проспект», которую Г.А. Гуковский, сформулировал так: «...пошлость блаженствует, а благородство гибнет в муках...» [\[5, с. 336\]](#).

Через историю Пирогова и Пискарева автор раскрывает суть карнавального характера Невского проспекта, который является пространством, где сталкиваются начала двух полюсов бытия. Невский проспект – это испытание для героев, заставляющее их отказаться от своих фантазий и столкнуться с неприглядной стороной жизни. Но если для Пирогова это испытание было всего лишь забавной любовной неудачей, то для Пискарева оно стало настоящей трагедией, разрушившей его романтический мир. Так воплощается Гоголем карнавальный принцип амбивалентного мира, объединяющий возвышенное и низменное.

Символическим пространственным образом, раскрывающим двойственную природу мира в повести «Невский проспект», является лестница. Прежде всего, образ лестницы представляет собой ниспровержение и смещение реального пространства. Описание лестницы неоднократно встречается в повести, например, когда Пискарев впервые видит красавицу, «лестница вилась, и вместе с нею вились его быстрые мечты» [\[4, с. 18\]](#). Пискарев бежал со всех ног, «взлетал» по лестнице, но путь в рай оказывается путем в ад. Перед героем раскрывается вся низменная и презренная жизнь, и, чтобы вернуться к реальности, по лестнице надо сбегать вниз. Как отмечает Бахтин, для карнавала характерна «логика непрерывных перемещений верха и низа» [\[1, с. 20\]](#). Таким образом, контраст между мечтой и реальностью становится еще более ощутимым. Лестница превращается в пространственный туннель, связывающий возвышенный мир иллюзий и низменную реальность.

Во-вторых, образ лестницы разделяет мир надвое. В сцене, когда Пискарев во сне посещает бал, «воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверх» [4, с. 19]. Блестящие перила наводят на мысль о роскоши, в отличие от грязной, темной лестницы в реальности. Можно сказать, что лестница во сне – это вход в царство веселья, символизирующий начало сна, который ведет человека в мир сновидений. Известно, что «основное карнавальное действие – шутовское увенчание и развенчание короля» [1, с. 20]. Пискарев, который в реальности является бедным художником низкого статуса, во сне становится почетным гостем на балу и танцует с выбранной им девушкой. Лестница выступает как мост между двумя различными состояниями, позволяя ему на время ощутить карнавальное мироустройство, в котором стираются привычные социальные грани.

На протяжении всей повести образ лестницы проходит через жизненную траекторию главных героев. Для Пискарева лестница служила своеобразным порталом между реальностью и мечтами, а история Пирогова разворачивалась в карнавальном пространстве, где «верх» и «низ» символизировали не только физическое расположение, но и противоположные полюса социальной иерархии. Лестница образно отражает перипетии в судьбе героев, символизируя иллюзорную радость и жестокое разочарование. Бинарные оппозиции «идеал и реальность», «благородное и скромное» подобны верху и низу лестницы, персонажи теряются между ними и не могут обрести гармонию и устойчивость в жизни.

Важным проявлением карнавала становятся мотивы метаморфозы и переодевания. М. Бахтин отмечает, что для карнавала характерны «перемена одежд и своего социального образа: переодевания, превращения» [1, с. 86]. Эти явления связаны с мыслями об изменчивости и непостоянстве. В иллюзорном мире внешность может обманывать людей, а истинная сущность, как правило, скрыта под маской. Трансформация отражается в изменении взгляда главного героя на окружающий мир и людей. После встречи с прекрасной незнакомкой на Невском проспекте внутренний мир Пискарева претерпевает ряд изменений: «Боже, какие глаза! Все положение, и контура, и оклад лица — чудеса! <...> Такая красавица, такие божественные черты — и где же? в каком месте!..» [4, с. 18]. Сначала Пискарев был счастлив, но, обнаружив, что эта красивая женщина была всего лишь обычной проституткой, он испытал глубокое разочарование.

Мотивы метаморфозы и переодевания отражаются и в том, как по-разному Пирогов относится к окружающим его людям в разных ситуациях. Когда Пирогов погнался за красавицей, он впервые увидел жестящика Шиллера. Пирогов вежливо вел себя, он «слегка наклонился и с свойственной ему приятностью сказал: Вы извините меня...» [4, с. 32]. Но, когда он повернулся к блондинке, его поведение стало очень легкомысленным: «А, здравствуйте, моя миленькая! вы меня не узнали? плутовочка, какие хорошенькие глазки! — при этом поручик Пирогов хотел очень мило поднять пальцем ее подбородок» [4, с. 33]. Свежесть впечатлений и волнение первой встречи мешали Пирогову контролировать свои мысли, и в тот момент он был вульгарен. Но, когда Пирогов и блондинка встретились снова, чтобы произвести хорошее впечатление и продемонстрировать свое обаяние, «Пирогов поступил на этот раз довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показал всю красоту своего гибкого перетянутого стана» [4, с. 37]. На этот раз он был так же вежлив, как и при первой встрече с Шиллером.

Карнавальный гротеск и смех проявляются в повести через сочетание трагедии и

комедии, высокого и низкого. В.Г. Белинский характеризует Невский проспект так: «...это две полярные стороны одной и той же жизни, это высокое и смешное о — бок друг другу» [\[3, с. 178\]](#).

Использование Гоголем приема карнавального гротеска и смеха для создания контрастов подчеркивает абсурдность и иллюзорность мира Невского проспекта. В описании этого городского пространства наблюдается следующее явление. Части тела, элементы одежды, должности, звания занимают место человека и существуют отдельно от него. Г.А. Гуковский утверждает, что описания Гоголя «лишены черт индивидуального портрета» [\[5, с. 261\]](#). И.Н. Шатова предлагает новый вариант интерпретации этого явления, указывая на «присутствие элементов карнавального гротеска в произведении Гоголя (редукция персонажа до одного внешнего признака)» [\[12\]](#). Так, Шиллер не считал свой нос простым органом тела, тот факт, что нос является символом огромного аппетита к табаку, побуждает бережливого Шиллера принять меры к избавлению от своего разорителя.

Карнавальный гротеск подразумевает размывание границ, инверсию повседневных иерархий, акцент на теле, а не на духе или разуме человека. В карнавальной культуре тело и его части часто выступают в качестве символов общественных процессов. Использование Гоголем карнавального гротеска для подчеркивания искусственности и условности социального статуса и ролей делает его героев одновременно смешными и жалкими, закладывает трагический подтекст повести.

Трагедия и комедия переплетаются в истории Пискарева. Жгучее чувство к брюнетке закладывает основу для трагедии, когда выясняется, что она на самом деле женщина легкого поведения. Однако трагедия Пискарева приобретает комическое измерение, когда он пытается спасти красавицу, полагаясь на фантазию и советуя ей жить по законам добродетели.

В «Невском проспекте» гротеск становится реалистическим способом художественного обобщения. Гоголь использует карнавальные образы, чтобы показать иллюзорность бытия и трагичность человеческого существования. Соединяя высокое и низкое, трагическое и комическое, писатель создает многомерную картину мира, где смех одновременно обнажает и утверждает богатство и противоречивость жизни.

Карнавальное начало отразилось и в сцене смерти Пискарева. Этот эпизод привлекал внимание многих ученых, отмечавших роль социальной среды в трагической судьбе Пискарева (Н.Л. Степанова, В.В. Жданова, Е.С. Роговер, Т.А. Калганова и др.). Д.А. Нечаенко связывал смерть Пискарева с мистериальным действием, карнавализацией [\[9\]](#). На первый взгляд, в повести представлен трагический сюжет: разочаровавшийся в жизни художник решает покончить с собой. Однако автор изображает смерть главного героя в гротескно-карнавальном ключе, соединяя трагедию и комедию.

Смерть в карнавальной системе координат выражается в «сочетании смерти со смехом» [\[1, с. 437\]](#). В повести сцена смерти Пискарева ассоциируется со смехом красавицы и её приятельницы. Образ красавицы сопровождается смехом, по мере развития сюжета восприятие смеха Пискаревым претерпевает изменения.

Первая встреча Пискарева с красавицей происходит на Невском проспекте. Следуя за ней, он боится быть замеченным. Однако, когда красавица оборачивается, Пискареву кажется, что на ее губах мелькает легкая улыбка: «Красавица оглянулась, и ему показалось, как будто легкая улыбка сверкнула на губах ее» [\[4, с. 15\]](#). Эта мимолетная

улыбка зарождает в сердце Пискарева чувство влюбленности.

Тем не менее, при следующей встрече в приюте восприятие улыбки красавицы меняется. Ее улыбка приобретает оттенок пошлости и наглости: «Красавица значительно улыбнулась, эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости» [\[4, с. 17\]](#). Идеальный образ богини, созданный Пискаревым, начинает разрушаться.

Окончательный крах иллюзий Пискарева происходит, когда он пытается убедить красавицу изменить свою жизнь. Смех красавицы и ее приятельницы полон сарказма и издевки: «приятельница сделала какую-то глупую мину на жалком лице своем, которую чрезвычайно рассмешила красавицу» [\[4, с. 27\]](#). Смех перестает сопутствовать красоте и любви, становясь одним из факторов, толкающих Пискарева на самоубийство. По словам Л.Ю. Фуксона, «в мире «Невского проспекта» улыбка и смех совершенно лишены подлинной веселости» [\[11, с. 24\]](#). Смех раскрывает иллюзии главного героя, обнажает несовершенство мира. Именно через улыбку и смех раскрывается трагический переход Пискарева от фантазии к отчаянию.

Хотя карнавальная смерть подчеркивает прямое столкновение героя со смертью, она не подразумевает пассивное ожидание смерти как конца жизни, которая может наступить в любой момент, а, скорее, трактует уход из жизни как неотъемлемую часть ее циклического развития, в которой смерть неизбежно сопровождается обновлением жизни. Гоголевский образ смерти носит амбивалентный характер. Согласно теории Бахтина, «Рождение и смерть представляют собой утвердительный и отрицательный уровни дуализма, а образ карнавальной смерти содержит и рождение, и смерть» [\[1, с. 438\]](#), и смерть всегда «чревата новым рождением» [\[1, с. 304\]](#).

На этом основании К.В. Барина выдвигает идею о том, что смерть может быть связана с сексуальными образами. [\[2, с. 8\]](#) Так, приют служит местом для занятия секс-бизнесом и местом, где разрушаются прекрасные фантазии главного героя. Мечты Пискарева и его стремление к идеальной женщине воплощают подавленное сексуальное желание. Его идеализация женщины и стремление к недостижимому идеалу красоты могут рассматриваться как форма сублимации сексуальных порывов, которая в конечном итоге приводит к психологическому конфликту и трагической развязке. Кроме того, стремление Пискарева к воплощению своего идеала можно рассматривать как метафору «рождения», отражающую его желание возвращать и создавать прекрасное. Когда возможность такого «рождения» разрушается столкновением с реальностью, герой выбирает саморазрушение и смерть, чтобы избавиться от боли. Причем смерть Пискарева – это не только наказание за излишнюю мечтательность, но и избавление от трагической реальности. Для главного героя смерть – это карнавальное «облегчение», после которого начинается возрождение.

Сцена смерти Пискарева воспринимается и как естественное следствие распада жизни, и как гротескная случайность. Трагедия лишена смысла и напоминает абсурдный фарс.

Смерть главного героя изображается через описание инструментов, к ней приведших, — руки и маленькой бритвы: «Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была неверна...» [\[4, с. 28\]](#). Рука – это часть тела, которая олицетворяет жизнь и подвижность. Маленькая бритва в качестве ежедневного инструмента для ухода за собой должна была использоваться для поддержания опрятности и приличия в жизни. И тот, и другой образ изначально связан с жизнью и бодростью, но в сцене смерти

Пискарева они становятся убийственными инструментами для завершения жизни, олицетворяя собой двойственный характер смерти, тонкую грань между жизнью и смертью. По сравнению с другими способами самоубийства (например, повешение, принятие яда и т.д.) самоубийство с помощью маленькой бритвы кажется еще более неэффективным и трудоемким. Этот, казалось бы, непрактичный способ смерти, с одной стороны, подчеркивает твердое намерение Пискарева покончить с собой, а с другой стороны — еще больше усиливает абсурдный, антигероический характер смерти, делая ее похожей на фарс.

Сцена смерти Пискарева полна карнавальных образов. Автор использует гротеск, чтобы соединить трагедию и комедию, высокое и низкое. Смерть главного героя одновременно трагична и гротескна, карательна и освободительна. Через гротескное изображение смерти Пискарева Гоголь раскрывает иллюзорность романтического взгляда на жизнь и трагичность человеческой судьбы.

Заключение

Повесть Н.В. Гоголя «Невский проспект» воплощает ключевые особенности карнавализации в творчестве писателя: 1) создание игровой, праздничной атмосферы на Невском проспекте, где стираются границы между реальным и фантастическим, трагедией и комедией; 2) стирание иерархических и социальных различий между персонажами в пространстве Невского проспекта; 3) переплетение иллюзорного и реального миров, метаморфозы и переодевания героев; 4) использование гротескных образов и совмещение смехового начала с трагическим; 5) амбивалентность карнавальных образов, где высокое соседствует с низменным, а красота превращается в пошлость.

Таким образом, карнавализация является одной из ключевых особенностей поэтики Гоголя в «Невском проспекте» и позволяет писателю создать многомерный, противоречивый образ Петербурга как города контрастов.

Библиография

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Баринова К.В. Особенности проявления и трансформация карнавального начала в пьесе Николая Эрдмана «Самоубийца» // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2009. № 319. С. 7–10.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1976. 736 с.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3: Повести. М.: Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. 688 с.
5. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 532 с.
6. Завьялова И.А. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя: гротеск в изображении «Странного города» // Известия Самарского научного центра РАН. Самара. 2012. № 2(3). С. 727–731.
7. Каратаева С.В. «Невский проспект»: поэтика телесности // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. Барнаул. 2009. № 9. С. 108–117.
8. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Изд-во «Coda», 1996. 474 с.
9. Нечаенко Д.А. О современной трактовке сновидений художника Пискарева в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1499/> (дата обращения 24.05.2006).

10. Соловьева А.Д. Амбивалентность мечты в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Палимпсест: литературоведческий журнал. Нижний Новгород. 2022. № 3(15). С. 15–24.
11. Фуксон Л.Ю. Символический и ценностный аспекты интерпретации литературного произведения (повесть Гоголя «Невский проспект») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М.: 1997. Т. 56. № 5. С. 22–29.
12. Шатова И.Н. О карнавальной природе ранней прозы К. Вагинова // Мова і культура. Киев. 2009. Вып. 11. Т. 11. С. 258–265

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проза Н.В. Гоголя рассматривается в истории литературы многогранно. Исследователи уделяют должное внимание форме его текстов, сюжетике, образному ряду, языку, стилю. Вариантов трактовки «Невского проспекта» в критике достаточно. Однако, новый взгляд, новая вариация вполне интересна, и может иметь место. Автор рецензируемой статьи касается особенностей проявления в повести Н.В. Гоголя карнавального начала. Считаю, что подобный формат постановки проблемы уместен, при этом же тема соотносится с одной из рубрик издания. Работа целостна, достаточно системна, аналитически выверена. Начало труда предваряет отсылка к исследованиям М.М. Бахтина, в частности отмечено, что «термин карнавализация был введён в литературоведение М.М. Бахтиным для описания воздействия античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действий, известных как «карнавал», на образно-символическое мышление и творческую память человека. Концепция карнавализации основана М.М. Бахтиным на анализе произведений Ф. Рабле и Ф.М. Достоевского, а также на изучении древнегреческих и римских карнавалов». На мой взгляд, не помешала бы в этом месте красивая цитата, с правильным оформлением – «...» [7, стр. 876]. Теоретические отсылки убедительны, они играют роль маркеров путей анализа. Чередование собственно практического и теоретического выигрышно для научного изыскания. Текст дробится на смысловые блоки, это правильно, следить за развитием мысли элементарно удобнее. Стиль данного сочинения соотносится с научным типом; термины и понятия, которые используются в работе, унифицированы. Оценка, трактовка, понимание специфики «Невского проспекта» на уровне целого объективна. Например, «произведения Н. В. Гоголя во многом пронизаны мироощущением карнавала. Писатель умело использовал карнавальные образы и темы для создания своего неповторимого художественного мира. Карнавальное начало стало для Гоголя способом выражения отношения к человеку и обществу, искусству и жизни, мечте и реальности. Карнавальное начало в повести «Невский проспект» воплощается на нескольких уровнях: в системе образов, организации сюжета и композиции. Невский проспект в повести предстает в виде карнавального пространства, где причудливо переплетается реальное и фантастическое, трагедия и комедия, благородство и пошлость», или «карнавальный принцип означает сосуществование и переплетение двух противоположных миров. В «Невском проспекте» этот принцип воплощен в параллельных сюжетных линиях поручика Пирогова и художника Пискарева, которые представляют собой два контрастных мировосприятия, два способа взаимодействия с реальностью. Их жизни разворачиваются в противоположных пространствах: обыденном мире и мире возвышенных грез. Оба персонажа были очарованы фантастическим Невским проспектом, но когда они столкнулись с крахом своей представлений, то оба пережили своего рода прозрение» и т.д. Тема по ходу работы раскрывается

планомерно, явных фактических нарушений не выявлено. Автору удастся посмотреть на гоголевский текст как в целом, так и в деталях. Например, «символическим пространственным образом, раскрывающим двойственную природу мира в повести «Невский проспект», является лестница. Прежде всего, образ лестницы представляет собой ниспровержение и смещение реального пространства. Описание лестницы неоднократно встречается в повести, например, когда Пискарев впервые видит красавицу, «лестница вилась, и вместе с нею вились его быстрые мечты», или «Важным проявлением карнавала становятся мотивы метаморфозы и переодевания. М. Бахтин отмечает, что для карнавала характерны «перемена одежд и своего социального образа: переодевания, превращения» [1, с. 86]. Эти явления связаны с мыслями об изменчивости и непостоянстве. В иллюзорном мире внешность может обманывать людей, а истинная сущность, как правило, скрыта под маской. Трансформация отражается в изменении взгляда главного героя на окружающий мир и людей. После встречи с прекрасной незнакомкой на Невском проспекте внутренний мир Пискарева претерпевает ряд изменений...» и т.д. Формальный ценз включения цитат выдержан. Статья обладает должным научным весом: «Карнавальный гротеск подразумевает размывание границ, инверсию повседневных иерархий, акцент на теле, а не на духе или разуме человека. В карнавальной культуре тело и его части часто выступают в качестве символов общественных процессов. Использование Гоголем карнавального гротеска для подчеркивания искусственности и условности социального статуса и ролей делает его героев одновременно смешными и жалкими, закладывает трагический подтекст повести». Суждения исследователя, на мой взгляд, объективны, точны, они имеют и расширительный характер, что может быть использовано далее. Необходимая систематизация данных сделана уместно, отсылки к исследователям прозы Н.В. Гоголя, повести «Невский проспект» наличны. Например, «Карнавальное начало отразилось и в сцене смерти Пискарева. Этот эпизод привлекал внимание многих ученых, отмечавших роль социальной среды в трагической судьбе Пискарева (Н.Л. Степанова, В.В. Жданова, Е.С. Роговер, Т.А. Калганова и др.). Д.А. Нечаенко связывал смерть Пискарева с мистериальным действием, карнавализацией [9]. На первый взгляд, в повести представлен трагический сюжет: разочаровавшийся в жизни художник решает покончить с собой. Однако автор изображает смерть главного героя в гротескно-карнавальном ключе, соединяя трагедию и комедию». Заключительный блок содержит итоговые выводы, соответствующие основной части. Автор отмечает, что «повесть Н.В. Гоголя «Невский проспект» воплощает ключевые особенности карнавализации в творчестве писателя: 1) создание игровой, праздничной атмосферы на Невском проспекте, где стираются границы между реальным и фантастическим, трагедией и комедией; 2) стирание иерархических и социальных различий между персонажами в пространстве Невского проспекта; 3) переплетение иллюзорного и реального миров, метаморфозы и переодевания героев; 4) использование гротескных образов и совмещение смехового начала с трагическим; 5) амбивалентность карнавальных образов, где высокое соседствует с низменным, а красота превращается в пошлость». Список источников полон, вариативен. Цель работы достигнута, поставленный ряд задач решен. Считаю, что статья «Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».